

Коммунистические КОНСТИТУЦИИ

Организационная платформа

После победы большевиков над украинскими анархистами лидер последних Нестор Махно и несколько его соратников, включая его учителя в анархизме, Петра Аршинова, эмигрировали в Париж, где основали журнал «Дело труда». В 1926 году в нем был опубликован «Проект организационной платформы Всеобщего союза анархистов, написанный Петром Аршиновым и Нестором Махно». В анархо-коммунистической среде текст вызвал много споров; некоторые ведущие организаторы, в том числе Малатеста, восприняли его весьма критично. Главная идея заключалась в том, что анархизму не хватает «однородной программы» и «общей тактической и политической линии». С точки зрения группы «Дело труда», этим недостатком объяснялись успех большевизма и маргинализация анархизма в России, как в городах, так и на селе. Однако критики сочли предложенный метод слишком строгим, заявив, что он навязывает партийную линию[263]. Платформисты (название, взятое сторонниками Махно и Аршинова) отвечали им, что анархисты не смогут донести свое послание до угнетенных, пока их идеи остаются расплывчатыми и неопределенными.

«Платформа» являлась однозначно анархистским документом, но была названа авторами либертарно-коммунистической. Такая формулировка отражала их желание дистанцироваться в равной степени как от большевиков, которые также называли себя коммунистами, так и от представителей анархо-индивидуализма. Платформисты одобряли сам «принцип индивидуальности в анархизме», но отвергали искажение этого принципа индивидуалистами, которые подразумевали под ним эгоизм, означавший «высокомерие, нерадивость и безответственность»[264]. Либертарные коммунисты полагали, что существующее общество сформировано «социальным порабощением и эксплуатацией трудящихся масс». Осуществленную с применением насилия социальную революцию они рассматривали как «единственный путь к трансформации капиталистического общества», признавая при этом, что «свободная личность» развивается «в гармонии» с «социальной солидарностью». Эгалитаризм либертарной коммунистической модели опирался на равную этическую ценность и равные права каждого человека. Реализация этих прав требовала отмены эксплуатации, а это достигалось путем обобществления собственности и средств производства, а также «создания экономических структур на основе равенства и самоуправления трудящихся классов»[265]. «Платформа» была формально привержена коммунистическому принципу распределения по потребностям, но отличалась от авторитарного коммунизма тем, что в ней была зафиксирована приверженность идее

«свободы и независимости трудящихся». Это и был «основной принцип, на котором будет построено новое общество»[266].

Для преодоления авторитаризма государства была предложена федеративная система. Она включала в себя создание узконаправленных либертарно-коммунистических структур и свободных рабочих и крестьянских кооперативов. Первые выполняли просветительскую функцию, распространяя либертарно-коммунистические идеи; вторые являлись первичными ячейками либертарно-коммунистической организации. Они должны были создаваться на местах, объединяясь снизу вверх в более крупные блоки:

“ «Хозяина — в виде ли частного собственника-предпринимателя или в виде собственника-государства, каковым в настоящее время является государство большевиков, — не будет. Организаторские функции в новом производстве перейдут к специально созданным рабочими массами органам управления — рабочим советам, фабрично-заводским комитетам или рабочим фабрично-заводским управлениям. Органы эти, связанные между собою в пределах города, области, затем всей страны, образуют городские, областные и, наконец, всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством»[267].

Федерализм определялся как «свободный договор лиц и целых организаций о коллективных усилиях, направленных на достижение общей цели». Это выражалось в идеологическом и тактическом единстве и потому требовало самодисциплины и признания индивидуальных прав и обязанностей, в том числе «независимости, права голоса, личной свободы и инициативы». Сюда же относилось и признание «определенных организационных обязанностей», настойчивое требование «точного выполнения их и выполнения принятых сообща решений». Это положение соответствовало приверженности принципу коллективной ответственности, или, как это было сформулировано в «Платформе», идее о том, что «в рядах анархического движения следует решительно осуждать и отвергать самопроизвольные действия»[268].

Содержащиеся в «Платформе» предложения подразумевали, что либертарные коммунисты будут организовываться в рамках подготовки или во время революционной войны. Поэтому неотъемлемую часть проекта составлял процесс формирования воинских подразделений. Он должен был осуществляться на добровольной основе, но по строгим правилам: отсутствие обязательного воинского призыва, свободная «революционная самодисциплина» и политический контроль со стороны рабочих и крестьянских организаций[269]. Поскольку предполагалась работа в условиях войны, то «Платформа» предусматривала всевозможные планы действий на случай непредвиденных обстоятельств, таких как остановка производства и дефицит, вызванный экономическими потрясениями. Видимо, учитывая противоречие между приверженностью коммунизму и принципами свободы, к вопросу коллективизации земельной собственности подход был осторожным и не столь методичным, как к коллективизации промышленных предприятий. Если сельские труженики, привыкшие работать самостоятельно, станут возражать против коммунистических принципов, то лучше допустить многоукладность экономики, чем навязывать коммунизм, пусть даже это

означало бы разрешение частного владения обрабатываемой землей в условиях расширяющейся коллективизации. Административные предложения «Платформы», роль Исполнительного комитета Всеобщего союза анархистов, а также то, как именно должен функционировать этот союз, имели высокую степень неопределенности, причем авторы открыто признавали этот пробел. Они рассматривали текст «Платформы» как начальный фундамент для общей организации. Всеобщему союзу анархистов предстояло «расширить, углубить, сделать ее законченной программой всего анархического движения»[270]. Это был очень амбициозный и типично анархистский план, в том смысле, что заранее допускал наличие в себе ошибок.

Коммуны в Теруэле во время испанской революции

В 1936 году, когда генерал Франко организовал военный переворот против испанского республиканского правительства, анархисты по всей стране подняли восстание, взяв под свой контроль значительные территории республиканской зоны. В Арагоне, на северо-востоке Испании, были коллективизированы около трех четвертей всех земель. По оценкам, в феврале 1937 года, спустя чуть более шести месяцев после начала революции, существовало уже 275 коммун, в которых в общей сложности было около 80 тыс. членов. Три месяца спустя к ним добавилось еще 175 коммун и 100 тыс. членов. Коллективизацию, зачастую спонтанную, а иногда осуществляемую под руководством анархистских ополченцев, можно рассмотреть как некий конституционный процесс. Коммуны были «попыткой создать модель, пример того, каким станет новое либертарное общество после победы в войне». Они были созданы, чтобы положить конец «эксплуатации человека человеком». Кроме того, была учреждена федеральная структура, связывающая «поселения между собой на районном и региональном уровне». Излишки производства коммуны направляли в Совет Арагона для «продажи или обмена внутри страны или за границей»[271].

Коллективизация протекала везде по-разному. Были, конечно, и разногласия по поводу методов ее проведения. В фильме Кена Лоуча «Земля и свобода» (Land and Freedom) сельскохозяйственные рабочие обсуждают, каким образом коллективизировать собственность, и спорят о том, какое вознаграждение должны получать земледельцы. Вряд ли эту сцену можно назвать иллюстрацией анархического «хаоса». Скорее, она демонстрирует то, как приверженность «анархии без прилагательных» — идее, выдвинутой Тарридой дель Мармолем, инженером, пережившим пытки в Монжуикской крепости, — должна выглядеть на практике.

В теруэльской коммуне Мас-де-лас-Матас процесс прошел достаточно гладко: специально созданный комитет предложил коллективизацию существующих мелких и средних хозяйств. Мелкие землевладельцы и ремесленники передали сообществу свои земли, орудия труда, скот и пшеницу. Затем были организованы трудовые бригады, которые распределили по 20 с лишним новым земельным участкам и разнообразным мастерским. Коммуна действовала

на эгалитарных принципах. Деньги были упразднены, все товары коллективного производства распределялись согласно коммунистическому принципу — по потребностям. В отсутствие денег использовалась карточная система распределения.

Никакого формального плана не было. Для обсуждения особых вопросов проводились собрания с участием женщин, но основополагающее значение для успеха коммуны имело стремление обновить социальные отношения посредством коллективизации. Новый эгалитаризм поддерживали не все, поэтому для ослабления напряженности, вызванной коллективизацией, были сделаны уступки. Каждому члену коммуны в личное пользование выделили небольшие участки орошаемой земли для выращивания сельскохозяйственных культур, каждому разрешалось содержать кур и кроликов. Соглашаясь на эти уступки, коммуна в то же время стремилась законодательно закрепить новые социальные нормы. Питейные дома были закрыты (вино присутствовало в пайке). Азартные игры были запрещены. Часть общих средств отчислялась на то, чтобы отправлять жителей деревни в Барселону на лечение, которое им самим было не по карману. На средства от продажи излишков коллективной продукции купили молотилку. Вновь открыли школы, укомплектовали их учениками и обеспечили «рационалистическими» учебными пособиями из Барселоны. Для тех, кому ранее образование было недоступно, открылись новые школы.

Кантон Алькориса, примерно в 15 км к северо-востоку от Мас-де-лас-Матас, также подвергся коллективизации. Это был относительно богатый кантон из 19 деревень с населением 4 тыс. человек. После изгнания мятежников-франкистов и Национальной гвардии поспешно созданный Комитет обороны, состоящий из республиканцев и анархистов, решил взять под контроль производство и запретить частную торговлю. Одновременно с этим местные сельскохозяйственные рабочие, объединившись в синдикат, приступили к организации новой системы производства, как в Мас-де-лас-Матас, создав рабочие бригады для обработки 23 участков коллективизированной земли. Была перераспределена техника и проведено межевание. В отличие от Мас-де-лас-Матас, в Алькорисе отношения были «однозначно конституированы»[272]. Составить условия соглашения помогли два юриста. Основные статьи касались прав на произведенные товары, права пользования коллективной собственностью, пожизненного пользования, членства в коммуне, выхода из нее и администрирования.

Имущество и активы, принадлежащие семьям и физическим лицам, городскому совету и сельскохозяйственному синдикату, были переданы в общую собственность. Все члены синдиката автоматически становились членами артели. Новые члены принимались решением общего собрания. Это был основной руководящий орган коммуны, и его роль, наряду с правами и обязанностями членов, была определена в конституции. Выход из коммуны разрешался, но в этом случае она оставляла за собой право не возвращать товар и имущество, чтобы защититься от спекуляций. Для управления была создана комиссия из пяти человек. Один из них выполнял функции секретаря, в задачи остальных входило управление поставками продуктов питания, сельским хозяйством, производством и общественным образованием.

Коммуна разделяла ценности либертарного социализма. Один из его признаков — отказ от института брака. Кроме того, общим собранием был принят коммунистический принцип

распределения по потребностям. Комитет обороны выпускал ваучеры, которые можно было обменять на товары в местных продовольственных магазинах. Услуги предоставлялись бесплатно. Деньги были отменены. Вместо стандартного пайка, как в Мас-де-лас-Матас, в Алькорисе ввели балльную систему. Это означало, что люди и семьи могли выбирать из имеющихся запасов то, что им нужнее. В перестроенной церкви разместили кинотеатр, а в монастыре — школу. Были открыты четыре бакалейные лавки и четыре мясные, текстильный кооператив, магазин галантерейных товаров и портняжная мастерская, парикмахерские и цирюльни, гостиница, столярная мастерская и кузница, организованы завод по производству соли и племенная ферма, имелось общее стадо коров. По словам Гастона Леваля, администрация «отвечала за обеспечение жильем и мебелью всех новых семей». Все остальное «распределялось в специально организованных магазинах, где покупки каждой семьи вносились в общий реестр для детального изучения тенденций потребления»[273]. Если бы на деятельности коммуны не сказывались ограничения, обусловленные войной, то вполне можно было организовать статистический комитет, чтобы «научно сбалансировать производство и потребление» и управлять местными поставками товаров для удовлетворения потребностей, как предлагал Джеймс Гильом в эссе «Идеи социальной организации» (*Ideas on Social Organization*, 1876)[274]. Вместо этого использовалась «система компенсационной взаимопомощи»[275] для обмена внутри кантона, а для организации обмена с соседними регионами была создана бартерная система. Подобным образом коммуны функционировали не только в Арагоне, но и в городах и деревнях Леванте, Каталонии и Кастилии.

Так чем же на самом деле индивидуалисты отличаются от коммунистов? Есть, пожалуй, две извечные проблемы, которые стороны находят в конституциях друг друга. Индивидуалистов беспокоит, что анархо-коммунизм допускает или даже требует ущемления прав отдельных лиц, чтобы удовлетворить моральные обязательства коммунистов в отношении общей собственности. Индивидуалисты считают разумным и возможным оценивать вклад каждого в коллективное благополучие и полагают, что каждый должен быть вознагражден за потраченное время или за свой труд. Поэтому они плохо представляют себе, как коммунизм можно воплотить в жизнь без принуждения.

Коммунисты же отвергают элитарность индивидуалистов, таких как Яррос, и ставят под сомнение обоснованность прав, на которые опираются индивидуалисты для защиты равенства. Они оспаривают утверждения Ярроса о том, что упразднение государства обеспечит решение «проблемы рабочей силы» и что оно зиждется исключительно на правовых гарантиях «ренты, процентов и прибыли». Хотя коммунисты признавали, что государство и капитал взаимосвязаны, они не разделяли точку зрения индивидуалистов, согласно которой одного уважения к равенству прав будет достаточно, чтобы держать различия под контролем. Также они опасались, что индивидуализм породит стяжательство. С точки зрения коммунистов, у «состояния свободы» Ярроса ограниченный срок хранения — до тех пор, пока рабочие могут «устанавливать цены»[276]. Те, кто пользуется наибольшими преимуществами, в итоге попытаются воскресить государство, чтобы гарантировать свои права и защитить свою собственность. Было и еще одно возражение. Коммунисты ставили под сомнение предположение индивидуалистов о том, что отказ от конституционной гарантии частной собственности приведет к краху капитализма. Они считали, что индивидуалисты слишком тесно увязывают сохранение экономического рабства с

государством, а это ведет к серьезной недооценке монополизирующих тенденций капитализма и мощи финансовых систем. В конце концов Такер признал свой просчет, а переход Яррос от индивидуализма к социал-демократии еще раз подтвердил существование проблемы.

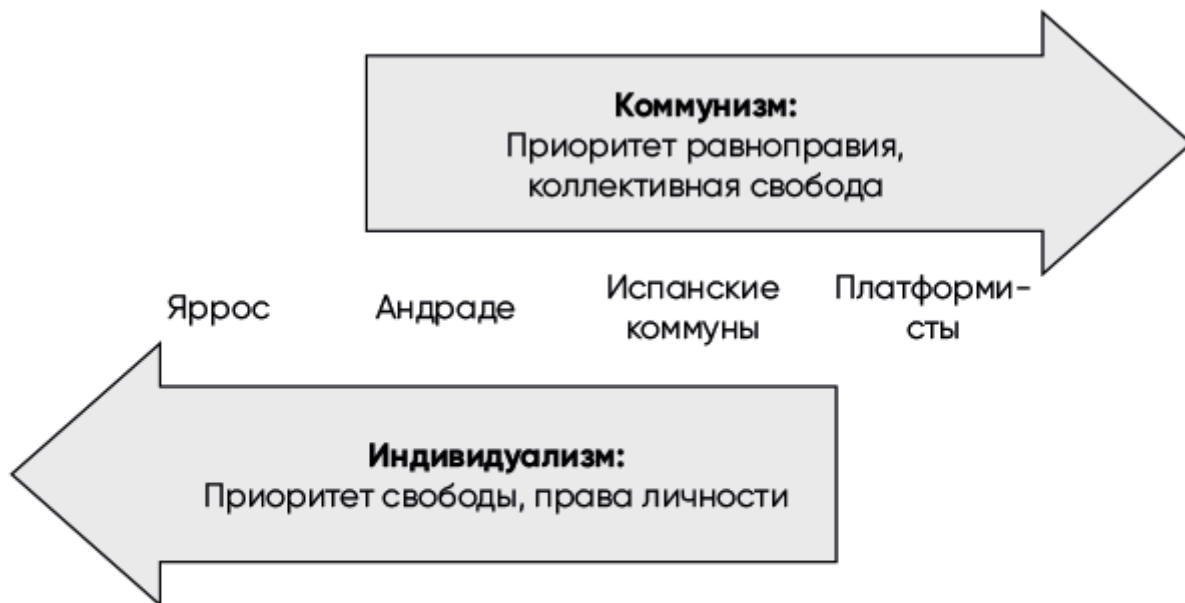

Рис. 4.1. Принципы, отличающие анархо-индивидуалистскую и анархо-коммунистическую конституции, и степень их совпадения

У индивидуалистов и коммунистов были точки соприкосновения, но разделяемые ими принципы — взаимопомощь, сотрудничество, свобода и равенство — приобретали разный смысл, а нюансы были отражены в их конституциях. Пожалуй, невозможно представить, чтобы Яррос нашел общий язык с платформистами, однако в позициях Андраде и испанских коммун можно обнаружить некоторое сходство: первый отдавал приоритет равенству, а вторые проявляли гибкость в том, что касалось прав личности.

Споры между анархо-индивидуалистами и коммунистами осложнялись историческим развитием антиэтатизма и эгоизма в политической мысли XX века. С точки зрения многих анархо-коммунистов, анархо-индивидуализм, в частности эгоизм, — это база для капитализма антиэтатического типа, или анархо-капитализма. Архетипом индивидуалиста является банкир-анархист — образ, созданный Фернандо Пессоа, — человек, который отказывается от коллективной борьбы из страха создать новую тиранию, а взамен выбирает накопление богатства, чтобы освободиться от обязательств следовать социальным фикциям вроде общего блага или справедливости[277]. Связанный с авторитарными формами либерализма свободного рынка, анархо-индивидуализм, таким образом, становится антисоциалистическим. Тем не менее ключевым моментом является наличие существенной разницы между анархизмом (индивидуалистическим или коммунистическим) и либеральной и республиканской альтернативами. Позицию либералов объяснил социолог Франц Оппенгеймер. Он согласился с выводом анархистов о том, что государство — это колонизирующая сила. «Злодей в историческом процессе — классовое государство», — четко заявил он. Однако, будучи «настоящим либералом», он утверждал, что анархисты

ошибаются, полагая, что можно «обойтись без такого общественного устройства, которое позволяет управлять средствами, необходимыми для защиты общих интересов содружества от опасной для них оппозиции». Далее Оппенгеймер пишет: «Ни одно великое общество не может существовать без органа, который выносит окончательные решения по спорным вопросам и располагает средствами в случае крайней необходимости обеспечить выполнение этих решений. Ни одно общество не сможет существовать без карающих судебных полномочий или права экспроприации собственности против воли собственника, если этого настоятельно требуют общественные интересы»[278]. И анархо-индивидуалисты, и анархо-коммунисты были с этим категорически не согласны. Анархистские конституции в принципе не предусматривали конечной инстанции, о которой говорили такие либералы, как Оппенгеймер.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 15:38:17

Зверобой обновил 11 апреля 2025 15:41:51